

Фарватер

16+

Курмангалеева Ж.

Жанна Курмангалеева

Фарватер

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Курмангалеева Ж. Е.

Фарватер / Ж. Е. Курмангалеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

18 век. Трактир на побережье. Именно туда направился сошедший с прибывшей в порт шхуны человек. А впереди - целая ночь, полностью посвященная рассказу о том, каким фарватером шел этот моряк. Обложка нарисована автором.

© Курмангалеева Ж. Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Море грозно горбатилось, поднялся страшный ветер. В трактире “Морской Дьявол” сидели два парня и девушка, буквально вчера приехавшие на Маяк.

В порт только что прибыла шхуна. Спустя какое-то время после того, как она кранцами стукнулась о причал, с нее сошла высокая фигура, нежно оглядевшая корабль и походкой вразвалочку направившаяся к вышеуказанному трактиру.

“Морской Дьявол” представлял из себя небольшую миловидную постройку, с запада прислонившуюся к камню, а северной стороной обращенной к волнующемуся прибою. В нем собрались почти все прибывшие недавно, которых завлекли восторженные отзывы о комфорте и уюте трактира и о его прекрасной владелице.

Мало кто гулял в такую погоду, поэтому резко и с силой распахнувшаяся дверь заставила подпрыгнуть добрую половину посетителей, в том числе и троицу закадычных друзей. Взоры обратились на пригнувшего голову, чтобы не упереться в подволок, мужчину, но ненадолго. Вместе с ним в трактир вошли запах обветренной морским воздухом, но не первой свежестью, одежды, табака, спиртного и пороха. Кто-то шепнул: “Он вернулся”.

Человек вальяжно сел за соседний стол и жестом подозвал светлую девчушку, здесь работающую. Он говорил тихо, но все равно было слышны низкие басовые нотки в его голосе. Девчушка ответила на его вопрос, он кивнул, снова сказал что-то и бросил ей несколько монет. Она быстро взяла деньги и поспешно ушла за заказом. Мужчина устало вздохнул, бросил шляпу на стол, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула, обнажив плохо затянувшийся рубец на шее и закрыв глаза. Он был огромного роста, сутулый, крепкая фигура и виднеющиеся из под закатанных рукавов мускулы говорили о большой силе, пусть телосложение его и не отличалось правильностью и симметричностью. Ему можно было дать чуть больше сорока лет, лицо было обветренным, простым и открытым, с крупными чертами и неровно подстриженной бородой. Короткие и немного торчащие светлые выгоревшие волосы, практически до черноты загоревшая кожа. Ничего особенного, разве что на левой руке не было пальца. Одежда тоже не вселяла подозрений – типичная рубаша, полузаправленная в клеши, парусиновая куртка да старые, но не изношенные сапоги. Станным могла показаться только повязка на лбу, но кто ж знает обычаи морских людей? Естественно, это был моряк, что для порта – дело обычное. Пока трое товарищей рассматривали его, ему принесли бутылку рома.

– Еще один пьянчуга, – с усмешкой произнес один из друзей.

– И что за черт пригнал его сюда? – спросила девушка.

– Да уж, наверное, не тот же самый, что пригнал сюда нас, благовоспитанных леди и джентльменов...

– ...смошенничавших в форе, – хмыкнул первый. – Хотя, кто знает, не гонится ли кто за ним? По виду этого старого морского волка не скажешь, что он всю жизнь бегал по полю и собирал цветочки.

Не успели они посмеяться шутке, как в относительно тихом трактире громом раздалось слова:

– Если вы хотите узнать мое имя или что за черт пригнал меня сюда, спросите прямо. А если вы, как нормальные благовоспитанные леди и джентльмены, не желаете тратить целую ночь на выслушивание моего наболевшего, то настоятельно рекомендую вам перестать шушукаться обо мне за моей спиной, как молоденькие глупенькие девушки.

Они моментально обернулись на говорящего, опрокидывающего новый стакан.

– Что празднуем, дружище? – весело спросил Первый.

Тот со стуком поставил кружку на стол и с неприкрытым удовольствием ответил:

– Я убил адмирала.

По тому, как все замолчали, можно было догадаться, что они отнюдь не были так безразличны к чужому разговору, как хотели казаться. Вдруг в полумраке и тишине, как выстрел, послышалось шутливое:

– А я стал любовником жены лорда!

– А у меня дома гора золота!

– Ну а я сейчас раскланяюсь и улечу на луну!

Друзья весело рассмеялись, и не обратили внимания на то, что их никто не поддержал.

– Ты здорово нахряпался, мореман, не мели чушь и не позорься, – посоветовал ему Второй, вытирая выступившие слезы. Его товарищи молчали, им стало не по себе от витающего в воздухе напряжения. Скоро их настроение посетило и Второго. Однако “убийца адмирала” только лишь незлобиво оскалился и сказал:

– Не верите, садитесь, расскажу. Только предупреждаю – это займет очень много времени.

Друзья переглянулись и, рассудив, что делать все равно нечего, осторожно приблизились к его столу и встали рядом. “Мореман” хрипло засмеялся и, закулив трубку, сказал:

– Да не бойтесь, присаживайтесь. “Старый морской волк” не кусается. Теперь, по крайней мере.

Он отвел задумчивый взгляд в окно, где было видно бушующее Море и начал:

Глава I

– Знаете, нет ничего лучше ритмичной качки под ногами, волн, бьющихся о борт, и бескрайнего морского простора. Именно таким было мое первое воспоминание, хотя сейчас, когда приключениями я насытился по горло, я отношусь к этому утверждению весьма скептически. Эта мысль идет прямоком из моих трех лет, когда я впервые, будучи отдельным человеком, вышел в Море. Это мое определение звучит немного странно, но об этом позже. Вы, быть может, спросите, что трехлетний ребенок потерял в дикой и необузданной стихии? Все очень просто, в Море нас брал владелец рыбацкого судна “Дочери Морей”, чтобы мы помогали ему. Когда я подрос, я понял, что “помощь” нами ему оказанная, была копеечная, но я был рад, что я такой самостоятельный, и старый рыбак жалел мою гордость. Быть может, именно этой его жалости я обязан своими дальнейшими проблемами, когда моя гордыня приводила к весьма плачевным последствиям. Как бы то ни было, этот человек заменил мне отца, однажды я даже назвал его папой. На это, я помню, он рассмеялся смехом, который часто напоминал мне карканье вороны, и, покачав головой, сказал:

– Нет, малыш, я тебе не отец, и даже не дядя. Отец твой – боцман на пиратском барке. Можешь им гордиться, можешь его стыдиться, но это правда. Я его никогда не видал, но слышал о нем часто. А вот мать твою я знаю хорошо. – При этих словах его глаза странно сверкнули, но ребенком я причины этому не понял. – Очень хорошо. И тебя она тут родила, прямо на этом судне. Ох уж не думал я, что ей в Море рожать приспичит! Все, думаю, шяс помрет! Ан нет, жива-целехонька, да еще и такого горлопанистого мальчишку из себя вытолкнула! Да...

Он часто рассказывал, как я родился. Думаю, это оттого, что он здорово хлебнул жути тогда. Даже год точный как-то сказал, а вот дня так и не припомнил. Так мы рассекали волны, и я постепенно обучался морскому делу. Таким образом у нас проходило утро и полдня, вечером же мы возвращались в порт, в его лачугу. Хотя жили мы там редко – мы всегда были уличными мальчишками.

Росли мы, кстати, тут же, на этом самом острове, Экибасе, впрочем, более известном как “Морской Маяк”. Прибежище флибустьеров, сухопутных разбойников и мошенников. Думаю, понятно, какое воспитание мы могли тут получить.

Свою юность я помню уже гораздо лучше. Я рос, как вы уже поняли, беспризорником и меня всегда окружали мне подобные. Подросши, мы со стайкой других мальчишек занимались самым естественным для нас делом – пакостничали. Благодаря этому у нас закрепились весьма натянутые, как фордуны, отношения с одним школьным учителем. Ясен пень, и речи не было о том, чтобы мы каким-то образом оказались в школе, о чем тот учитель весьма часто жалел.

– Ух, попадитесь мне, щенки! Всю дурь выпорю, недосеченные!

Когда мы отбегали ярдов на 100 и оказывались в безопасности, Кид строил ему гримасу и безошибочно разбивал камнем окно.

– Неплохо, брат! – говорил я, дружески хлопая его по спине. Кид скромно улыбался, но, увидев, что скрюченная фигура угрожающе направляется к нам, поспешно чесал оттуда. Честное слово, я понятия не имею, когда и при каких обстоятельствах мы с ним познакомились. Кажется, он всегда был рядом. Я привык, что нас считали братьями, но всерьез я так никогда не думал. Не только потому, что родились мы примерно в один год и росли с завидной одинаковостью, но и потому, что, кроме роста и сложения, мы были кардинально разные. У меня внешность всегда была очень обычная, Кид же мало того, что жгучий брюнет, так еще и по тому, что на него всегда налетали девчонки, как акулы на кровь, могу судить, что и физиономия у него была очень смазливенькая. На что обращал внимание я, которому на его наружность всегда было глубоко по борту, были его пронзительные, от килиа до клотика пронизывающие зеленые глаза.

Когда старому рыбаку было не до нас, мы выживали, как могли. Потаскивали еду с прилавков, отжимали ее у детей послабее, голодали, в конце концов. Хотя последнее нас настигало, видимо, редко, раз вымахать нам ничего не помешало. Мой меткий побратим еще носился с мыслью ускакать куда-нибудь и там настрелять кого-нибудь, но я дружески поднимал его на смех: в каком таком лесу, это на Маяке-то, он собирается охотиться? Да и с чем, с камнями, что ли? Он обижался, но недолго. Стрелять он действительно умел – научился у рыбака.

Тот тем временем начал перестраивать свое судно. Понятия не имею, где он взял деньги, а может, он просто привлек друзей к этому делу, но в итоге, через два года “Дочь Морей” стала промысловой двухмачтовой красавицей-шхуной. Так что когда мы подросли, и пришло время заняться чем-то серьезным, у нас и выбора-то особо не было. Хотя, даже если бы он был, я не стал бы на другой путь. Нас официально зачислили на “Дочь Морей”. После мы наконец вышли в Море по-настоящему, получая за это самое настоящее жалованье. Я смог проявить себя как хороший моряк, Кид – как отменный стрелок. Не то чтобы там мы пережили очень много приключений – бури были самыми памятными воспоминаниями о том периоде моей жизни. Но того, что было, как раз хватало восьмилетним мальчишкам. Я был действительно счастлив тогда. Просыпаешься с рындой, принимаешься за работу, болтаешься на снастях, с рындой ложишься. Все было очень спокойно, это была обычная монотонная моряцкая жизнь. Рейсы наши были коротки, и мы очень скоро возвращались в привычную беззаботную жизнь на Маяке, но уже с какими-никакими деньгами.

Год, когда нам исполнилось 10 лет, был самым лучшим в моей жизни, а сразу после него последовал самый худший. Лучшим – потому что тогда я встретил Шебу. Худшим – именно тогда моя жизнь покатила под откос, как во время бортовой качки. Но обо всем по порядку.

В конце октября на Маяк иммигрировала одна семья – отец, мать и маленькая дочка. Раньше они жили на островах Уна-Муге. На данный момент я бывал там уже раз пять, но тогда для меня это было только странное название. Отец семьи взял жену с дочкой и отправился в поисках лучшей жизни, выбрав для этой цели Маяк. Тут они завладели трактиром, который называли “Морской Дьявол”. Именно в этом трактире мы с вами сейчас прячемся от непогоды. Это то, что меня мало трогает, но именно при таких обстоятельствах я познакомился с Шебой. Ей было только лишь семь лет тогда, поэтому я для нее был просто странным мальчиком, который заходил к ним в трактир. Часто я туда заходил именно из-за нее. О любви тогда, конечно, и речи не шло, но даже я своим детским и оторвацким умом понимал, или, скорее, чувствовал, что она совсем не обычная девчонка. Когда она ко мне привыкла, мы стали часто гулять, когда с Кидом, когда – нет. Юный охотник посмеивался надо мной, но не комментировал. Ей совсем не претило бегать и мараться. Иногда мне все еще вспоминается, как она, сверкая черными глазенками от возбуждения, перемахивает через окно трактира, минуя мою страховку, гибкая, ловкая и задорная.

– Пойдем, пойдем скорее, – ломая язык, она хватала меня за руку и вела гулять. Набегавшись, мы замедляли ход, и она начинала рассказывать про место, которое никогда не забудет.

– Бывало, убежишь из дома рано-рано утром, убежишь на берег, а там солнце встает над лазурным Морем, – задышавшись от волнения и горячо жестикулируя, заявляла Шеба.

– Ты хочешь вернуться? – спрашивал я.

– Нет, конечно, нет! – смеялась она. – Там таких, как ты, нету.

В поведении Шебы явственно чувствовалось какое-то, отличное от нашего воспитание. Дикость, свободолюбие и гордость, с которыми она вела себя, потрясали меня. Я понятия не имею, как мы объяснялись – на нашем диалекте она заговорила благодаря мне, хотя от своего очаровательнейшего южного акцента она избавиться так и не смогла, да оно и не нужно было. Я рассказывал ей о наших обычаях, она – о своих. Сейчас я вспоминаю свою юность, и у меня появляется невольная улыбка. Время, когда у меня не было забот, когда я был улыбчив, чист душой и сердцем, и свободен, как ветер. Счастье мое длилось недолго.

Сакраментум уже был единым гос-вом, была поставлена общая власть, и южным это не понравилось. Потом еще этот принц куда-то провалился, и отец его состарился, не оставив наследников. На трон грозил сесть наместник. Это окончательно расшатало устройство. Развязалась война. Военный флот остро нуждался в рабочей силе, принудительная вербовка расцветала. Нас с Кидом это не особо беспокоило – детям всегда кажется, что несчастье не может коснуться их. Это оказалось не так. Я никогда не забуду тот день.

Год спустя после того, как на остров приехала Шеба, “Дочь Морей” шла в порт после хорошей охоты. Я наслаждался вечерней прохладой солоноватого воздуха, отдыхая у фальшборта, как вдруг послышался крик, докладывающий о судне, идущем прямо к нам.

– И чем это нам грозит? – спросил Кид, о колено разряжая ружье после охоты. Я безразлично пожал плечами.

– Обычная торговая лайба, редкость в этих широтах, конечно, но ведь мы же тут.

Он как будто понимающе покивал и добавил:

– Ага, ясно. А человеческим языком говоря?..

Я негромко засмеялся и отошел от борта.

– Все нормально, не бойся, малышочек, я защищу тебя.

Он поставил мне подножку.

Судно постепенно приближалось. Оказалось, что это линейный корабль. Мы напряглись.

– Обычная торговая лайба, да? – съязвил мой названный братец, но я не стал устраивать с ним драк. Непонятная тревога повисла в воздухе, но ее причина не была ясна до последнего. Капитан тоже проникся этой напряженностью и приказал выбрать гика-шкоты и положить руль на бакборт. Когда мы охотно проделали этот бесхитростный маневр, мы вдруг с ужасом обнаружили, что на лайбе брасопят реи и как будто подсекают нас. Внезапно, когда расстояние между нами сократилось до пятнадцати саженей, на флагштоке фрегата нарисовался флаг северного королевского флота. Мы выдохнули – “Дочь Морей” принадлежала к той же державе. Мы решили, что они ошиблись и приняли нас за южан и капитан приказал поднять флаг той же части. Однако все обернулось немного не так. Над морской тишиной прогремел пушечный залп – приказ лечь в дрейф. Капитан заметно опешил, но, конечно, не стал мериться силами с линейным фрегатом. Фрегат подошел к нам. Вдруг без предупреждения, без церемоний на борт к нам перескочили вооруженные солдаты. Все произошло очень быстро, я не понимал, что происходит. Когда я закончил окидывать глазами всю эту странную сцену, я вдруг с удивлением обнаружил, что на меня наставили ружье. Мы были, по непонятным причинам, захвачены. Меня это взбесило, взбесило и то, что моей жизни угрожают не за что, и я, издав странный звук, резко вырвал ружье у солдата из рук.

– Дюк!

Я прыгнул, собственным весом сбив не ожидающего такого расклада дел морпеха с ног и, оседлав его, уже занес кулак, как:

– Дюк, встал смирно! Не двигайся! Это приказ!

Я, скорее рефлексивно, поднялся и посмотрел на капитана. Строгим взглядом дав мне знать, чтобы я стоял ровно и не рыпался, он взглянул на человека перед ним.

– Прошу прощения, сэр, он ребенок, и решил, что ему грозит опасность. Он больше не будет. Не будешь больше?? – Я отчаянно покачал головой. – Ну вот. Извините, сэр, я... не совсем понял... к чему все это.

С подтянутой, несмотря на пожилой возраст, фигуры своего капитана и по совместительству названного отца я перевел взгляд на его собеседника. Он, одетый с иголки, по-свойски прохаживался по палубе, оглядывая “Дочь Морей”, как только переселившийся человек оглядывает свой новый дом. Мне это понравилось точно так же, как если бы он этак жадно и любопытно осматривал мою сестру, но я сдержался. Захватчик медленно прошелся взад-вперед и наконец удостоил капитана ответом:

– Все это к тому, что я захватил эту шхуну.

– Но... но мы... мы не южные, сэр! – в отчаянии воскликнул капитан. Тот, поморщившись, махнул рукой и произнес:

– Это не имеет значения.

– Но это незаконно! – гневно заявил кэп. – Вас арестуют за захват без каперского свидетельства – пиратство, проще говоря!

Капер провел рукой по планширю, как будто ища пыль, и негромко спросил:

– Да, но вот кто об этом узнает?

Он зло оскалился. Иллюминаторы капитана в ужасе расширились. Мы поняли, что беда реальна и что надежды нет. Все кончено.

– Нет, – еле слышно прошептал капитан, когда его взяли под руки, чтобы увести. – Нет! Будь ты проклят, пусть твоя душа отправится в ад, дьявольское отродье!!!

Я подался вперед, меня остановили солдаты. Не обращая внимания на ружья, я, как дикий звереныш, бросился на одного из них и инстинктивно вцепился ему в глотку. Кид рядом бросился было мне на помощь, но его тут же свалили. Меня схватили за плечи и оттащили от лишившегося чувств морпеха. Когда меня поставили на колени и приставили к затылку дуло ружья, капер обернулся на шум.

– Ты ведь Дюк, верно?

Я молчал, чуть не захлебываясь собственной яростью.

– Отвечай, когда с тобой говорит командир, – властно потребовал он, глядя на меня сверху вниз. Меня это сильно задело, животные инстинкты подсказали, что это – знак того, что он выше меня и я побежден, но встать я не мог. Единственное, что я мог сделать – поклясться себе, что до конца своих дней перед ним я буду стоять ровно, даже если у меня будут сломаны обе ноги.

– Ты мне не командир!

– Боюсь, ты ошибаешься, – он наклонился и посмотрел мне в глаза своим пугающе пустым взглядом. Ребенок во мне затрепетал, но я был слишком взбешен, чтобы бояться. – У меня есть для тебя новости, Дюк, ты завербован на военно-морской флот. Ты не выглядишь взросло. Сколько тебе лет?

Я гордо поднял голову, думая, что победил, но он оказался умнее меня и хорошим манипулятором.

– Полагаю, еще недостаточно, чтобы ты научился говорить.

– Мне одиннадцать! – Я поддался на провокацию, и победа оказалась за ним.

– Не ври мне! – гаркнул он.

– Я не вру! – изумленно возразил я.

– Думаешь, я ребенка от подростка не отличу?

– Видимо нет.

– Который год служишь?

– Был бы четвертый, если бы не некоторые непредвиденные обстоятельства.

– Не смей дерзить мне! Сколько тебе?!

– Одиннадцать, я же сказал.

– Лжец!

Он наградил меня варкулем. Я вспылел. Рванулся вперед, но меня рывком опрокинули на палубу. Тот невольно отшатнулся и дрожащим голосом приказал:

– Затащите его в трюм, пусть успокоится.

Меня подняли, я попытался вырваться. Он тем временем пошел дальше и подошел к стоящему неподалеку Киду.

– Ну а тебе сколько? Тоже одиннадцать?

– Да... сэр. Мы ровесники.

– То есть, он не соврал?.. – озадаченно спросил тот.

– Нет, сэр.

– А может, и ты мне врешь?

– Я полагаю, толку мне от моей лжи немного, – с печальной улыбкой ответил Кид. Он, усмехнувшись, снова оглядел сначала Кида, потом бесящегося меня и протянул:

– М-да, ну и поколение... Как тебя зовут-то хоть, шутник?

– Кид, сэр.

– На шхуне служил юнгой или охотником?

– Охотником, сэр.

– Ага. А этот?

– Он был матросом. Сэр.

– Отлично, – он хлопнул в ладоши. – Этого – в матросы, этого – в солдаты... Да что вы там возитесь, с подростком справиться не можете?!

– Да прекрати лягаться! – возмущенно воскликнул державший меня парень. – Не переживай, тебе у нас понравится.

Когда он в пятый раз огреб от меня, он выругался и приложил меня башкой об угол переборки. Вы даже не представляете, как мне смешно сейчас это говорить.

Когда я оклемался, уже в трюме – “посвящение в военморы”: издевательство в виде строевого смотра, матросы отдельно от зольдов. После, завербованных, и солдат, и матросов, построили в шеренгу на шкафуте. Я различил Кида и молча, глазами, спросил, что происходит. Он незаметно, еле пожал плечами. Этот небольшой диалог был окончен как раз в тот момент, когда дверь адмиральской распахнулась и оттуда вышел этот чертов сатана, одетый еще лучше, чем до этого и еще больше от этого важничавший.

– Так! – громко начал он, поправляя рукава. – Слушайте меня внимательно. Теперь вы, вместе с этой шхуной, командиром которой меня великодушно назначил господин адмирал, командующий недавно виденным вами фрегатом, зачислены на военно-морском флоте. В таблице я – только лишь капитан третьего ранга, но в Море, на этом корабле, я второй после Бога. А посему я имею все полномочия назначать свои правила, и вы обязаны их выполнять. Вам будет запрещено сходить на землю, сразу после того, как мы покинем верфь. Обращаться ко мне не иначе, как “господин командир” или “сэр”. Ну и самое главное! Дисциплина превыше всего. Вы меня хорошо понимаете, Дюк? – резко обратился он ко мне. Я не ответил. Мы несколько секунд смотрели друг другу в глаза, ясно читая друг у друга лютую ненависть. Наконец он отвернулся. – Вы – моряки, и судовая дисциплина вам должна быть известна. Не устраивать драк и прочих нарушений. Слово человека, стоящего выше – закон. За недисциплинированное поведение вы будете наказаны соответственно с тяжестью вашего нарушения. Я все сказал.

После мы взяли курс в ближайший порт. Как только мы прибыли, шхуну отправили на верфь, и началась перестройка. Добавили дубовых досок обшивки для прочности, длины и ширины корпуса, поставили третью, бизань-мачту, установили на всех трех стеньгах и брам-стеньгах марселя и брамселя и, разумеется, притащили на борт 20 штук карронад. На верфи работало много людей – не то чтобы я тогда умел считать, но, думаю, человек 500 было точно. Немало досок на плечах перетаскали и мы с Кидом, и это было все, чем мы занимались во время нашей последней стоянки перед рейсом длиной в 7 с лишним лет. Перестройка продолжалась недолго – месяца 4, не больше, но за это время наша шхуна таки успела приобрести грозный военный вид и получить название “Буря”. Мы отчалили. Ступить на землю после этого нам с Кидом было не суждено очень долго.

Глава II

Меня расписали на грот-мачту – опыт у меня уже был, и меня преспокойно отправили лазить по вантам. Что насчет Кида, то как-то раз, на полуюте, ему устроили проверку.

– Ты говорил, что хорошо стреляешь. Это так? – допытывался до него старлей. Я прислушался, не отрываясь от принайтовки.

– Да, сэр.

– Чем тебе легче?

– Да чем угодно, но я привык к карабину.

Охотнику дали карабин. На его лице проскользнула еле заметная улыбка.

– Попадешь в клотик?

– Откуда?

– Да прямо отсюда.

Кид фыркнул и, прищурившись, высмотрел на грот-мачте несчастный набалдашник, небрежно перебросил карабин из одной руки в другую и, не глядя, выстрелил.

– Дюк!

Я протянул руку и поймал поверженный клотик, в центре которой было аккуратное, еще дымящееся, отверстие. Лейтенант присвистнул и хлопнул стрелка по плечу.

– Да ты, парень, не промах!

С тех пор это лестное имя “Не Промех” осталось за ним. Понятно, что его записали в стрелковую команду.

Моя же военморская жизнь началась немного по-другому.

Все были в кают-компании – ужинали. Я был на вахте, когда до моих ушей донесся крик командира, как всегда немного более громкий, чем все остальное.

– Поди, принеси мне трубку и табак из каюты, Жак, да поживей!

Я не придал этому значение. Послышались шаги, и на палубу вышел Жак – долговязый матрос с вечно хмуро наморщенным лбом. Он перешел шкафут и вошел в командирскую каюту. Через пару секунд дверь снова открылась, но вид матроса чем-то насторожил меня и я невольно посмотрел на него. Жак был занят запихиванием командирских денег в карман. Почувствовав мой взгляд на себе, он криво улыбнулся. Деловито засунув большие пальцы за пояс, сказал:

– Как дела, брат мой матрос?

– Ночного колпака захотелось, Жак? – с усмешкой спросил я, забухтовывая фал грота. Он помрачнел.

– Сколько тебе дать, чтобы ты держал свою пасть закрытой?

– Оставь деньги себе, на что они мне? – презрительно ответил я. – Все равно мне отсюда на землю не сойти, а тут мне вроде как все бесплатно дается. Ну а насчет моей пасти можешь не переживать, я предпочитаю помалкивать. Теперь советую тебе поторопиться – он и так не ангел, а твоя задержка и вовсе его взбесит.

Он поджал губы и покивал головой.

– Справедливо.

– Проваливай отсюда и оставь брата своего матроса с его закрытой пастью наедине, пока она таковой остается.

Как вы понимаете, я был не в духе тогда. Жак поторопился послушаться и бегом помчался назад в кают-компанию.

На следующий день, только мы встали и принялись за работу, как проклятущая каюта со стуком распахнулась и проклятуший командир громко провозгласил:

– На корабле завелся вор.

Как по команде все замерли. Я стоял к юту спиной, но чувствовал взгляд, которым он обвел палубу.

– Кто это сделал?

Все молчали. Не получив ответа, он что-то сказал нашему дракону и показал на меня. Все внимание обратилось ко мне, кровь отхлынула у меня от лица. Страшная догадка о том, что со мной сделают за воровство, мелькнула в голове.

– Нет, – прошептал я, бросаясь к нему. – Нет! Я не – да пусти ж ты меня! – я не виновен!

Я знал, что если я сейчас бухнусь перед ним на колени, то ублажу его самолюбие и он, скорее всего, отменит приговор. Страх подкосил ноги, но гордость дала мне приказ стоять ровно, пока я могу.

– Неужели? – спросил он, оборачиваясь. – Кто же тогда виноват? Ты был там тогда, ты должен был видеть.

Я бросил взгляд за его спину, где стоял Жак. Он стоял, не моргая, бледнее смерти. Я раскрыл было рот, чтобы выдать его, но запнулся.

– Я... не знаю, я никого не видел... Должно быть, я отошел на бак, было темно...

– Когда я обвинил тебя во лжи, спрашивая твой возраст, я был неправ, – нетерпеливо перебил он. – Потому что лжешь ты отвратительно. Говори имя, если ты не виновен.

Я опустил взгляд.

– Я не знаю, не разглядел.

– Сэр! – рявкнул он.

– Сэр, – покорно повторил я.

– Даю тебе последний шанс, Дюк. Или ты говоришь имя виновного, или этим именем будет твое.

В голове я произнес эти проклятые три буквы раз сто, из них пятьдесят собирался произнести вслух. Я снова взглянул на Жака. Он, думая, что я подчинюсь, смиренно ждал своего приговора из моих уст. В глазах щипало от детских слез бессильной ярости, но я сдержал их. Вцепившись рукой в планширь так, что побелели костяшки пальцев, я вздохнул и тихо, сквозь зубы, сказал:

– Я не знаю.

На мгновение губы командира исказились страшной ухмылкой, в глазах мелькнул недобрый огонек.

– Так вот ты каков, щенок...

Отвернувшись от меня, он торжественно прокричал:

– Вы сами видели, я сделал все, что мог, чтобы справедливость восторжествовала. Быть может, я сделал даже больше. Не может быть такого, чтобы командирские деньги исчезли сами по себе. Верно, Дюк? – он выразительно посмотрел на меня.

– Да, сэр, – сомневаюсь, что он, или кто-либо другой услышал меня, но его это вполне удовлетворило.

– Верно, рядовой Кид? – он внезапно повернулся к моему другу. Краем глаза я заметил, что тот неуверенно кивнул, бросив испуганный взгляд на меня.

– Возвращаемся к работе.

День, когда я повзрослел. Последующие годы проходили так же. Работа была мне не в тягость, может, даже в радость, но одно оставалось неизменным.

Четверг. Каждая буква этого страшного слова морально, духовно, а то и физически, убивает меня. Кто не знает, четверг на флоте – день для экзекуций. Я абсолютно уверен, что все катастрофы происходят исключительно в этот день, и никто меня в этом не переубедит. В среду половина матросов и столько же солдат натурально сходили с ума. Ну а потом хоть ветер не дуй, солнце не свети, вахтенный не спи, а на “Буре” настал *четверг*! За что, говорить не буду – вам неинтересно, а мне неприятно, но суть в том, что если тот учитель из моего счастливого

детства переживал, что мы, из-за своего бродяжничества, были “недосеченными”, то на мой счет он мог быть спокоен. Однажды меня это довело.

Я в изнеможении сполз по мачте и опустился на руки. Командир отвернулся и сказал судовому врачу:

– Осмотри его.

Я, цепляясь за мачту, с трудом поднялся.

– Не надо меня осматривать! – хрипло проговорил я, отшатнувшись от лекаря. – Я в порядке.

Мне было очень худо. То есть, после бывало и многим хуже, но будущее я предсказывать не могу. Я бросил полный ненависти взгляд на командира, повернувшегося ко мне спиной. Ярость душила меня, силы стали как будто возвращаться ко мне, и я знал, зачем. У меня не было ножа – нас обшмонали недавно, – рядом не лежало вымбовки или интеграла, но чувство собственного превосходства поглотило меня, я знал, что легко обойдусь и голыми руками. К тому моменту мы с Не Промахом неплохо подросли. Я, трясаясь от гнева, выпрямился и уже сделал шаг вперед, как вдруг...

– Стой, полудурок! – прошипел где-то у меня над ухом голос Кида, удержавшего меня от нападения. Я с силой оттолкнул его и тихо сказал:

– Оставь меня.

Перевел взгляд на командира, не подозревающего, какие страсти творятся у него за спиной, и хотел возобновить попытку, но зольд положил руку мне на плечо и рывком отбросил назад.

– Тебя повесят, идиот.

– Ну и пусть. Я лучше умру, чем проживу так хотя бы еще день, – тихо орал я, как бы странно это не звучало. – Какое тебе вообще до меня дело??

– Ты мой друг.

Моя готовность подраться и с ним тоже, ушла, но пыл убить командира остался.

– Ну вот и будь другом, позаботься о том, чтобы меня выбросили в Море, когда я откинусь.

Я отпихнул его локтем и упорно последовал за удаляющимся командиром. Он не стал меня останавливать, а только продолжал громко шептать (что ж за странный разговор у нас вышел-то, а) мне вслед:

– Ну и пожалуйста, давай! Пусть тебя вздернут на рею, как собаку, выкинут за борт, сожрут рыбы, и до дома ты никогда не доберешься, и на “Бурю” ты больше никогда не вернешься, и Море с палубы никогда не увидишь, вот так-то!

Я остановился. Понятия не имею, откуда этот черт почти каждый раз в точности знает, что сказать. Мой порыв заштилился, силы покинули меня. Я невольно попятился, как будто отступая перед его доводами и, забывшись, прислонился к мачте спиной. Когда я с подавленным охом отскочил от нее, подошел Кид и молча протянул руку. Мы спустились в кубарь.

Как-то поднялся сильный, даже штормовой, ветер. Ничего опасного, но мы тогда перли крутым бейдевиндом, практически мордотыком. Ну и один очень умный человек не додумался, черт бы его побрал, приказать убрать марсея, до чего любой ребенок допер бы. И ведь попробуй убрать без приказа – и умри. Ну и доигрался – фор-стенга бедной моей “Бури” изогнулась, как хлыст, и – ну, догадаетесь? – сломалась. За этим последовал ремонт, конечно. Благо, это была только трещина, и идти в порт нам не понадобилось.

Ну и вот, иду я, значит, с массой приспособлений в руках, дальше носа ничего не вижу. И чувствую – задел кого-то. Значения не придал, но это ведь я.

– Эй, ты!

Я не без труда обернулся и увидел разодетого как на парад помощника.

– Борзомер зашкаливает? Извиниться не хочешь, карась? – высокомерно спросил он.

Как вы понимаете, я был взбешен до невозможности – этот урод, командир, совсем не бережет корабль. И тут еще и этот под руку лезет. Я молча положил все инструменты и блоки на палубу и подошел к нему. И, сам не заметил, как с размаху, ударом кулака свалил его. Все вдруг перестали копошиться и возиться, как муравьи. Красный, как помидор, помощник, встал и кинулся в драку. Он был старше меня лет на 5-6, но он то ли силой не вышел, то ли что, но скоро я взгромоздился на него сверху и закончил всю потасовку. Он уже потерял сознание, когда меня немного запоздало начали оттащить от него. Я вырвался, но только чтобы, тяжело дыша и стирая с уголков губ кровь, презрительно сказать:

– Извини. Карась.

– Что за демократию вы тут развели? – прогремел хорошо знакомый голос.

Все с ужасом уставились на ют, я, бросив быстрый и злой взгляд в ту же сторону, невозмутимо поднял лежащее барахло и как ни в чем не бывало вернулся к работе. Где-то рядом мелькнул Кид. Конечно, в тайне от командира это не осталось. Тем хуже, что я тогда раскрошил пому 4 зуба.

После этого, я заметил, что меня, сначала за спиной, а потом и в глаза, называют “Бешеным”. Кид тоже это заметил и недели две точно называл меня, ухахатываясь с этого, “Бешеным щенком”, но скоро перестал. Мне это не льстило и не обижало, и я не обращал на это внимание. Так получилось, что это прозвище стало моим вторым именем.

Как вы понимаете, у нас с командиром были весьма напряженные отношения. Ни один наш диалог не заканчивался спокойно, ни в одном взгляде не таилось хотя бы равнодушие. Нет, лютая, волчья ненависть – вот чем выделялись наши редкие разговоры, да даже элементарные фразы, которыми мы перебрасывались во время работы, стреляли дикой неприязнью. Командир ненавидел во мне, как он открыто признавался, “бунтовской и вспыльчивый дух”, а я в ответ презирал в нем трусость, садистские наклонности и слабость. Давайте на этом закончим перечень моих залетов и их последствий.

Бури в северных Морях. В первый раз на своей памяти я столкнулся с одной такой в тот же день, как “Буря” там оказалась. На горизонте показалось темное облако. Не надо быть гением или метеорологом, чтобы понять, что грядет. Командир небрежно приказал взять четыре рифа у марселей и убрать грот. Я хотел возразить и предложить убрать и фок или вообще лучше идти только под такелажем, но Кид схватил меня за руку и вполголоса сказал:

– Я знаю, о чем ты думаешь. Он тебя в жизни не слушает, только... сам знаешь. Лучше стой тут.

Я подчинился. Налетел ветер. Легкая шхуна подскочила, но устояла. Меня подмывало лечь в фордевинд, но Не Промах предупреждающе стиснул мое плечо. Новый вал налетел на штирборт “Бури” и нас обрызгало ледяной водой. Мы убрали марселя. Свежий порыв надул фок, шхуна поддалась и хлебнула воды. Мы убрали и фок. Остался один-единственный брамсель. Когда я заметил это, буря уже полностью разыгралась, очередной крен градусов в 80 опрокинул корабль на правый борт. Еле удержавшись, я отряхнулся и решил рискнуть. Рядом откашливался от соленой воды Кид. Когда он увидел, что я нетвердой походкой направился к вантам, я услышал его истошный крик:

– Стой, болван!

– Да иди ты!

Я встал на выбленки и полез.

– Дюк! – раздался изумленно-злой вопль командира. – Слезай! Слезай сейчас же, щенок!

Я уже преодолел марсовую площадку и вступил на фор-стен-ванты, когда на палубе заорали, пусть и не мне:

– Осторожно!

Я приготовился к тому, чтобы нырнуть. На этот раз крен перешел порог в 90 градусов и моя спина со всплеском встретилась с ледяной водой. В голове пронеслось “не вздумай отцеп-

ляться, черт тебя подери!». У меня заложило уши и потому я не сразу понял, что уже оказался на поверхности. Со стучащими от холода зубами я полез дальше и добрался наконец до проклятого брамсея. Очередная волна поддала нам в борт и до меня дошло, что развязывать булинь времени нет. Я достал новенький нож и с силой рванулся вперед, чтобы оборвать снасти одним ударом. Они поддались лезвию, но и я не устоял и чуть не полетел вниз. Спас меня только моей же рукой оборвавшийся шкот. Я, взяв нож в зубы, повис на нем. Поняв, что так не удержусь, я начал искать ногами фор-марса-рей. Встав на него, я, видимо, вообразив, что передо мною Шеба, с нежностью любовника обнял фор-брам-стенгу и начал думать, как мне обрезать другой шкот. Я сошел с рея, встал на перты. Вдруг шхуна сотряслась, моя нога соскользнула, и я чуть было не сорвался вниз. Поняв, что я все еще очень хочу жить, я вцепился в перты обеими руками, и повис в воздухе. Увидев, как под моими болтающимися в воздухе ногами разверзается сошедшая с ума водная стихия, я нервно сглотнул, но все же, перебирая руками, наконец добрался до фор-брамсель-шкота и резким движением перерезал его. Брамсель был обезврежен, но чуть было не вместе со мной, потому что как только я повис на одной руке и меня тряхануло, и я начал очень быстро спускаться. Очень быстро. Падение я смог затормозить только благодаря тому, что схватился за бакштаг, к чертям собачьим содрал себе кожу с ладоней. Наконец, с треском свалился на опердек.

– Ай, – тихо простонал я, не вставая, но, поняв, что оказался в безопасности, радостно вскричал: – Я жив!

Откуда-то сверху мне протянул руку Кид. Я, с его помощью, встал и обнаружил, что почти цел.

– Ты болен. Лечись! – Кид дружески пихнул меня локтем. Я еще раз проверил целостность своей спины и прислонился к фальшборту, дабы расслабиться и растереть онемевшие от холода конечности. Буря не утихала, но теперь шхуне ничего не угрожало. Вдруг к нам подошел командир. Улыбка у меня с лица мгновенно исчезла, я гордо поднял голову. Губы у него побелели, я ждал новой грозы. По его глазам я ясно понял, что, если бы не команда вокруг, он бы убил меня. Но ребята, справедливо или нет, сочли, что этим поступком я рванул на груди тельник, и он бы навлек на себя их гнев, если бы осуществил то, что было у него на уме. Наконец он отвернулся, скрестил руки на груди и произнес:

– Потом сменишь бегучий такелаж фор-брамсея, который испортил. Ясно?

– Да, сэр, – выдохнул я и перекрестил счастливый взгляд с Не Промахом. Что ж, я нагло врал, как видите – у службы на флоте есть и положительные стороны. К тому же, у меня всегда был верный друг.

Я снова в чем-то перед командиром провинился и теперь, час как отошедши от взбучки, в одиночку справлялся с прямыми парусами – ветер переменялся, и командир решил за “недисциплинированное поведение” припахать меня. Я как раз выбирал брас грот-марса-рея, когда подошел Кид. Не выказывая ни капли сочувствия, со своей обычной невозмутимой сухостью, он поинтересовался:

– Как полмарсос, Бешеный?

У меня были смутные подозрения, что у меня шпангоут на пару градусов вира сместился, но это не помешало мне равнодушно пожать плечами:

– На высидуре.

Обмануть его я, конечно, не смог, и он сделал шаг вперед со словами:

– Давай помогу...

– Нет, – я жестом остановил его. – Услышать *он* нас не услышит, но увидит все прекрасно и уложит нас обоих на месте.

Он покачал головой, но отступил. После недолгого молчания он заметил:

– Гордость однажды тебя погубит, Дюк. Из-за нее ты и попадаешь в неприятности.

– А что мне, позволять ему и дальше попирать себя ногами? – я закрепил брас восьмеркой и скакнул на ванты.

– Ну, по крайней мере он не будет делать этого буквально, – сказал он с палубы, глядя на мою поднимающуюся фигуру. Я ощерился, но промолчал. – Прекрати вести себя вызывающе, его это бесит! Ты посягаешь на его территорию, вот он и уделяет тебе столько внимания.

Залезая на грот-брам-рей, я, не особо скромничая, сказал:

– Знаешь, что самое обидное? Я-то ведь сильнее него.

– Оно и понятно, но значения не имеет. Физической силой ты можешь подтянуть гик к гафелю, но уж точно не себя к знати.

Командир действительно был из богатой семьи. Возможно, поэтому-то он и командир. Тем временем я встал на перты и начал распускать грот-брамсель. Забухтовываясь, гитов приобрел вид петли. После пары секунд раздумий я свистнул стоящему внизу Киду.

– Эу, Не Промах!

– Чего?

– Как ты думаешь, что он скажет, если я сейчас повешусь? – спросил я, помахивая линем.

– Устроит траур над веревкой, которую ты всенепременно испортишь.

Я тихо рассмеялся и начал спускаться.

– Три.

– Два.

Мы с Не Промахом сидели, спрятавшись за кнехтами с едой на камбузе, и занимались одним из самых увлекательных действ в Море – обжирались.

– Один!

Мы одновременно закинули шмат колбасы в рот. Разжевав, я первый схватил кружку с грогом и торжествующе вскинул руки.

– Победа!

Кид, зажмурившись от полетевшей ему в глаз крошки, проворчал:

– Ты – свинья, Бешеный. Ха, бешеная свинья.

– Ты просто завидуешь, – невнятно ответил я. – Я же опять победил.

– Никто и не сомневался, – с усмешкой выкрутился он, ткнув мне пальцем в живот. Я возмущенно дал ему пряника.

– Отстань, я голодный! В отличие от некоторых, я работаю, весь день вахтил.

– Ах, значит, я не работаю?? – пререкался Кид, яростно отбиваясь от меня, но тщетно. Я свалил его и уселся сверху.

– Со мной в драку? Зря, очень зря. Я-то сильнее, – самодовольно проговорил я.

– Может быть, – пыхтя, согласился он. – Но ты не проходил военную подготовку.

Он умело вывернул мне руку и дал коленом под дых. Я даже охнуть не успел, как оказался на палубе с его коленями у меня на плечах. Не Промах хотел уже выкрикнуть что-нибудь победоносное, но тут до нас донеслись шаги. Он поспешно упал рядом, мы заткнули друг другу рты. Кок потоптался на камбузе и вышел, не заметив нас. Тогда мы сели.

– Слышал, какой-то пират объявился? – внезапно поинтересовался Кид. – Хет, или как его там?..

– Слышал. И что? – безразлично спросил я. – Такую шумиху с ним устроили, как будто он сейчас пойдет мир захватывать. Мало таких, что ли?

– Он – бывший коммодор южан, – пояснил Кид, потягиваясь.

– И?

– У него целая эскадра пиратских кораблей. Это тебе не какая-то полупризрачная “Акула”.

Я фыркнул.

– Очередной офицер устроил бойкот. Года через три-четыре его или снова переманят на свою сторону или поймают.

– Спорим? – предложил он, протягивая руку. Мы обменялись крабами.

– На что?

Он задумался, и мне было ясно, почему. Ведь у нас ничего не было.

– Кто проиграет – с месяц будет работать вместо другого, – наконец заключил он.

– Договорились. Все равно ты ничего не делаешь, – засмеялся я. – А вот ты откинешься от утомления, мой бедный маленький...

– Посмотрим.

Жизнь в Море бросается из крайности в крайность – то она монотонна и однообразна, то кишит приключениями так, что вряд ли соскучишься.

В один прекрасный день нам на хвост лег корабль. Я не буду оригинален, когда скажу, что это были пираты. Но, разумеется, мы и до этого доходили полдня, как всегда, когда дело касалось не экзекуций, правда, господин командир, будь ты проклят? Впрочем, пропустим мои претензии. “Буря” – быстроходный корабль, погоня была нам не страшна, поэтому это тугодумство не далось нам дорого. Мы с Кидом, услышав от сундука, что это пираты, не отходили от фальшборта – что может быть интереснее? Мы не могли отвести взбудораженного взгляда от виднеющейся еще не преступно близко бригаантины.

– Когда нас догонят? – спросил я у мичмана, который, нахмурившись, разглядывал корабль с неменьшей пристальностью.

– Я бы сказал тебе, что нас не догонят вовсе, но в том, что мы этой возможностью воспользуемся, я совершенно не уверен.

Он был прав. Превосходства в пушках у бригаантины не было, а учитывая маневренность “Бури”, нам и вовсе ничего не угрожало. Разумеется, мы этим не воспользовались. Что мы, трусы, что ли, обходиться без человеческих жертв? Мы решили дождаться Северного флага, хотя уже всем было ясно, что они не салютуют нам хотят. Наконец бригаантина, слегка запыхавшись, нагнала нас, и раздался выстрел, одновременно с которым у меня закололо в правом боку. Я был цел, но это подтолкнуло меня бросить взгляд на наш штирборт. Дым рассеялся, и была отчетливо видна пробоина. Так же отчетливо, как и черный флаг на флагштоке бригаантины. Наши канониры не заставили себя ждать, и ответ вылетел из карронад. В этот момент мы могли преспокойно поднять апсель, взять круче к ветру и уйти от боя, но так нет же! Воздух снова затрясся. Я стремглав лег на палубу, уронив вместе с собой и Кида, как раз в тот момент, когда книппеля пролетели там, где только что стояли мы. Грот-мачта зашаталась, легонькая шхуна покачнулась. После еще нескольких выстрелов, окончившихся у нас – гибелью нескольких человек, у них – “продырявленным” бакбортом, бригаантина легла борт о борт с нами, и в нескольких дюймах от меня за борт зацепился абордажный крюк.

– Койки долой! К оружию!

У меня захватило дыхание. Наш первый бой! Когда на борт “Бури” легко перепрыгнули пираты, мы уже натянули сеть над палубой и вооружились. Мне досталась абордажная сабля. Тут уже приказов никто не ждал. Мы с Не Промахом стояли спина к спине. Я защищал свою жизнь, еще не рассеявшийся дым от выстрелов и лязг металла будоражил мою кровь, и я мало думал о друге. Однако когда я краем глаза увидел, что какой-то пират целится по нам из пистолета, я все же бессознательно отпихнул его локтем, другой рукой неумело отражая сабельный удар. Улучив момент, я обернулся и увидел, что он живой. Он молча кивнул мне и махнул головой на марс, говоря тем самым, что он займет стрелковую позицию. Он полез, я остался на палубе, заменяя неопытность рвением. Вдруг кто-то повалил меня с ног. Разбойник был тяжелее меня в два раза, и я бы тут же погиб, но вдруг он обмяк, и я без труда сбросил его с себя. Встав, я понял, что меткой рукой его безошибочно поразила пуля.

Я был жив, но это не отменяло того факта, что мы безнадежно проигрывали. Внезапно, посмотрев на нетвердо стоящую после залпа дрейфгагелем грот-мачту противника, я нашел выход. Я перескочил на шкафут бригантины и разрубил грота-ванты. Инстинктивно я понял, что удостоен чести послужить целью для какого-то пирата. Я сделал пару шагов назад. Здоровяк-пират не пожелал ждать первого шага от меня и бросился в драку первый. Я увернулся и, воткнув саблю в палубу и, оперевшись на нее, со всей своей подростковой силы пнул его ногами. Его отбросило на мачту, заставив ее покачнуться, но не более. Я был в ужасе. Галс тренировочный, мне не удалось. Разъяренный пират начал медленно подниматься. С бешено колотящимся сердцем, я кинулся вперед и со всей дури пригвоздил его к мачте, одновременно с разгона всей массой ложась на нее и добивая. К моему величайшему счастью, она с душевраздирающим скрипом начала валиться на бок, прямо на палубу вражеского корабля, погребая под собой нерасторопных пиратов и освобождая шкафут у левого борта. Я воспользовался сумятицей и вприпрыжку побежал к бакборту. Высмотрев в паутине запутавшихся снастей абордажные крюки, я, дорогой отбиваясь от атак, принялся обрубать их. Когда дело, казалось, было закончено, я увидел еще два крюка, путь к которым мне преградила упавшая мачта. Я пронзительно свистнул и выразительно показал на них, как какой-нибудь фронт-лорд, приказывающий убрать соринку из его садика. Долго ждать не пришлось. Не Промах прекрасно понял мои намерения. Раздался один выстрел, потом второй, и корабли были больше не сцеплены. Но разойтись им мешало еще кое-что. Я вернулся к шпору мачты и, крикнув: «Помогите мне!», начал усердно двигать мачту. Несколько наших, в том числе и Кид, поддерживали меня в моих начинаниях. Скоро несчастная мачта топом уперлась в наши ванты и шхуна начала медленно «отъезжать» от бригантины. Кто успел – тот сразу перепрыгнул на «Бурю», кто нет – тот прыгнул в воду и добрался до родного корабля вплавь.

– Скорее, заряжайте пушки! Добьем их! – закричал я, понимая, что сейчас каждая секунда дорога, сам бросаясь снова в бой – разобраться с остатками пиратов у нас на корабле, теперь когда подмога не могла прийти к ним с бригантины. Пираты у себя на корабле, разбиравшиеся со свалившейся на них мачтой, оказались расстреляны из пушек.

Мы просто чудом победили, враг был выметен с Моря.

«Буря», с пленниками на борту, быстро уходила с места битвы, когда я обнаружил, что ранен – пират, которого я заколол, когда валил мачту, не остался в долгу. Друг, увидев это, подошел было ко мне, но тут в воздухе раздался вопль:

– Кто это отдает приказы на моем корабле?

Это был командир. Он, целый и невредимый, вышел из каюты. Я тяжело задышал, чувствуя, как у меня краснеют глаза и белеют губы. Трус.

– Я спрашиваю, кто отдавал приказы на моем корабле?

Кид взял себя в руки и, не подавая виду, помог мне встать, шепнув:

– Не оборачивайся.

Шли годы.

Глава III

Наш курс как-то лежал через печально известный Кровавый пролив в Хэтдоэльский порт. Проливом его трудно назвать – проход шириной всего лишь в 20 сажений. Его громкое название не внушало нам ничего, кроме смеха. Мы, молодые рогатые, всю дорогу до него пугали друг друга страшилками, но не воспринимали ничего всерьез. А зря, очень зря.

Подшли мы к нему в 7 склянок. Проход образовывали мрачные скалы. Из-за рифов вода сверкала на редком солнце красным. Красиво. Мы уже *этому* приписали было его название, когда нас предупредили о первом бакене. Я и другие расписанные на мачтах обрасопили реи, виранули и вытравили шкоты и мы плавно увернулись. Но не успели мы отойти, как раздался истошный вопль:

– Парни, там бар!

Мы налегли на снасти и "Буря", сильно накренившись, ушла от опасности сесть. Перевести дух мы не успели. Тут же обогнув банку, мы запоздало поняли, что идем прямо на риф. Волна хлобыстнула по корпусу, нас обдало брызгами, меня что-то резануло по животу. Обшивка пробита. Поморщившись, я оглянулся. Недружелюбные камни покрылись сомнительного вида зеленью. У меня встал ком в горле, я покрылся испариной. Подошел Кид, зеленый, как мох на скалах. Я усмехнулся.

– Что, укачало тебя, бедолажка? Пожуй чего-нибудь, легче станет.

Он ехидно улыбнулся.

– А сам-то? Отливаешь синевой, Бешеный.

Я нахмурился. Ни меня, ни Не Промаха в жизни не трогала морская болезнь. Я впервые обратил внимание на спертый воздух. Достаточно времени у меня отняло понять, что это из-за растений. На берегу словно постоянно имела место быть эпидемия чумы.

– Дюк, хорош трещать! – гаркнул старлей. – Бакен по бакборту!

Я вернулся к работе, Кид подошел к фальшборту, чтобы подышать и успокоиться. Когда мы обогнули короткую мель, нам стало легче, но, ох как ненадолго. Пролив постепенно расширился. Шхуна быстро, под фоком, гротом и марсеями, заходила в залив...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.